

ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

«ДЕЛО МАЛИНОВСКОГО»

(ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОВОКАЦИЙ ЦАРСКОЙ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ)

Провокация как средство политической борьбы была известна уже в ранние периоды развития классового общества. Эксплуататорские классы, стремясь сломить сопротивление угнетенных масс, активно прибегали к этому грязному средству. В эпоху империализма провокация становится одним из наиболее широко применяемых методов политической борьбы буржуазии. При этом буржуазия старается в провокационных целях заслать свою агентуру в самые активные революционные организации, в первую очередь в ряды коммунистических партий.

Провокация как метод политической борьбы используется всеми буржуазными правительствами, независимо от их окраски. «Во многих странах, и в том числе наиболее передовых, буржуазия несомненно посылает теперь и будет посылать провокаторов в коммунистические партии»¹, — писал В. И. Ленин. В царской России положение усугублялось еще и условиями крайне реакционного режима, часто и охотно прибегавшего к политической провокации. В борьбе против русского революционного движения царизм особенно широко использовал провокацию в конце XIX и начале XX столетия.

В партийных и государственных архивах сохранились материалы, освещающие подрывную деятельность царской охранки. Это прежде всего документы бывшего департамента полиции, его особого отдела, заграничной секретной агентуры, охранных отделений, корпуса жандармов. Эти документы показывают, какие огромные усилия предпринимала царская тайная полиция в борьбе с революционным движением, и убедительно свидетельствуют о героической борьбе большевистской партии, увеличении масштабов и успехов этой борьбы.

К сожалению, сохранились далеко не все документы департамента полиции и охранных отделений. В первые дни Февральской революции стихийное возмущение масс полицейским террором вылилось в разгром полицейских учреждений и особенно охранных отделений. В Петрограде, на Фонтанке и на Пантелеймоновской улице, в огромных кострах горели архивные дела департамента полиции. Однако погибло далеко не все, и, что особенно важно, «почти не пострадала комната, в которой помещался особый отдел департамента полиции»². Здание московской охранки в Большом Гнездиновском переулке было разгромлено 1 марта 1917 года. Ворвавшаяся толпа разламывала шкафы, выкидывала на двор пачки дел, альбомы, каталоги, расхватывала «на память» фотографии. Во дворе вспыхнул костер, пламя которого охватило груды различных документов. В толпе были прежде всего люди, ненавидевшие полицию, испытывавшие на себе ее тяжелую руку, были и просто любители острых ощущений. Но здесь же, безусловно, присутствовали и те, кто стремился воспользоваться случаем скрыть свое преступное участие в полицейском терроре и провокации охранки. Видимо, этим объясняется тот факт, что из архивов охранки исчезли главным образом личные дела секретных сотрудников, «агентурные записки» и другие документы «компрометирующего» характера³.

Часть полицейских архивов была спасена, и сегодня они помогают воссоздать истинные страницы мрачной истории царской полиции в ее борьбе против народа.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 28.

² «Архивное дело», 1927, вып. XIII, стр. 35.

³ См. там же, стр. 29.

В данной статье предпринимается попытка показать на примере провокаторской деятельности Р. В. Малиновского приемы охраны в борьбе с революционным движением в России.

Значительный фактический материал, характеризующий преступную деятельность Малиновского, получен из «Стенографических отчетов допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царизма» (показания директора департамента полиции С. П. Белецкого, вице-директора С. Е. Виссарионова, генерала В. Ф. Джунковского и др.). Частично использован также фактический материал из собрания документов по истории большевизма с 1903 по 1916 г., объединенных в «Материалах по истории общественного и революционного движения в России», изданных в 1918 г. в Москве⁴. Разумеется, эти источники нуждаются в самом тщательном критическом анализе.

Большой интерес для выяснения обстоятельств предательства Малиновского представляют документальные материалы особого отдела департамента полиции, созданного в 1881 г. и преобразованного в 1898 г. для непосредственной борьбы с революционными организациями. С начала 900-х годов особый отдел вел борьбу в первую очередь против большевиков. Это подтвердил на допросе и бывший вице-директор департамента полиции С. Е. Виссарионов. Говоря о борьбе особого отдела против социал-демократической партии, он подчеркивал: «Работа ее в то время не допускалась, причем в особенности относились опасно к большевистской партии»⁵.

Следует заметить, что некоторые документы по делу Малиновского до сих пор не обнаружены, а некоторые, относящиеся к послеоктябрьскому периоду, не были опубликованы; не публиковались и материалы судебного следствия. В силу этих обстоятельств ход судебного процесса освещается по данным обвинительной речи Н. В. Крыленко на процессе 5 ноября 1918 года⁶.

Многолетняя история большевистской партии знает считанное число провокаторов, проникших в ее ряды. Но те, кто все же оказался в их числе, нанесли революционному движению немалый урон. В результате гнусных предательств погибли сотни революционеров. В. И. Ленин подчеркивал, что «ошибки в нераспознании провокаторов были со всеми, без исключения, партиями. Это факт»⁷. Касаясь предательства Малиновского, В. И. Ленин тогда же писал: «Составляет ли это упрек для нашей партии? Нет, как не делают честные люди упрека Чернову и К^о за ошибочное оправдание ими Азефа, упрека — Ионову (бундовцу, коллеге «Рабочей газеты») и К^о за оправдание в 1910 г., от имени объединенного ЦК, провокатора Житомирского («Отцова»), упрека — тем меньшевикам, которые известное время пытались защищать в 1904 году провокатора Доброжокова, упрека — тем кадетам, среди коих тоже были опубликованные теперь провокаторы»⁸.

Что же могло в условиях подполья и конспирации уменьшить зло, причиняемое подрывной работой провокаторов? Таким средством В. И. Ленин считал в первую очередь правильное соотношение легальной и нелегальной работы. На легальной работе любой провокатор должен был наряду с подрывной деятельностью вести и полезную для революционного движения работу. В связи с этим В. И. Ленин приводит случай с провокацией Малиновского: «В 1912 г. в ЦК большевиков вошел провокатор, Малиновский. Он провалил десятки и десятки лучших и преданнейших товарищей, подведя их под каторгу и ускорив смерть многих из них. Если он не причинил еще большего

⁴ «Материалы по истории общественного и революционного движения в России». «Большевики». Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. Т. I. 1918 (в дальнейшем — «Большевики»).

⁵ «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства по расследованию преступлений царизма». Т. 3. Л. 1925. стр. 445 (в дальнейшем — «Стенографические отчеты»).

⁶ Н. В. Крыленко. За пять лет. 1918—1922 гг. М. 1923; его же. Судебные речи. Избранное. М. 1964, стр. 22—38.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 500.

⁸ Там же.

зла, то потому, что у нас было правильно поставлено соотношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести работу против оппортунизма меньшевиков, проповедывать основы большевизма в надлежащем образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу»⁹.

К вопросу о провокациях Малиновского В. И. Ленин возвращался неоднократно. Это объяснялось не только тем, что речь шла о тяжелом ущербе, нанесенном большевистской партии, но и необходимостью дать отпор меньшевикам, пытавшимся использовать предательство Малиновского в своих фракционных нападках на большевиков. Учитывая это, а также то, что «дело Малиновского» было превращено врагами в снежный ком инсинуаций и фантастических версий, представляется целесообразным восстановить, насколько позволяют документы, объективную картину этого преступления.

5 ноября 1918 г. в Москве, на заседании Верховного трибунала ВЦИК, слушалось дело провокатора Малиновского. Трибунал не только вскрыл его многочисленные преступления, но и дал глубокую политическую оценку его предательства и тех последствий, которые оно вызвало. Человек без чести и принципов, с гипертрофированным честолюбием — так был охарактеризован Малиновский на этом процессе.

В своем объяснении суду Малиновский сказал, что он шел на предательство «без угрызения совести». Долгие годы он вел опасную двойную игру ради денег, а в дальнейшем — ради известности и возможности влиять на судьбы людей. Им руководили лишь личные интересы и цели. Такой человек, работающий на два фронта, был опасен и революционному движению и охранке. В конечном счете это поняли и сами охранники, решившие его ликвидировать.

Было и еще одно обстоятельство, делавшее Малиновского во много раз более опасным по сравнению с рядовым провокатором. Он был наделен незаурядными способностями. Именно это и привело к тому, что с первых его шагов в рабочем движении он оказывается в рядах руководителей. В. И. Ленин в связи с этим писал, что «Малиновский при его политической биографии и его таланте играл бы видную роль в любой фракции, что ликвидаторы посадили бы его под образа, если бы он солидаризировался с ними — это все знают»¹⁰. К этому надо еще добавить поразительное хамелеонство Малиновского, способность полностью сливаться с окружающей средой, принимая ее «окраску». В силу этой способности он производил на окружающих прекрасное впечатление. В заблуждение был введен даже В. И. Ленин¹¹. В статье «Ликвидаторы и биография Малиновского» В. И. Ленин приводит статью ликвидаторского «Луча» от 28 октября 1912 г., где ликвидаторы восхваляли избрание Малиновского в Думу. Отмечая это, В. И. Ленин писал: «В таких почетных выражениях писали сами ликвидаторы о большевике Малиновском 2 года тому назад. Да и могло ли быть иначе после работы Малиновского, прошедшей перед всеми рабочими? Даже ликвидаторы, уже и тогда его политические враги, не могли отказать ему в огромном уважении»¹².

Малиновский одновременно сумел, с одной стороны, войти в доверие партии, рабочих, с другой — охранки. Директор департамента полиции С. П. Белецкий подчеркивал, что Малиновский был «гордостью охранного отделения, и его ценность определялась возвышением его в организации и проведением его в верхи партийной организации»¹³. Вице-директор департамента полиции С. Е. Виссарионов характеризовал Малиновского как «весьма ценного сотрудника по осведомленности в партийных делах»¹⁴.

Свою провокаторскую деятельность Малиновский начал еще во время отбывания воинской повинности в Измайловском гвардейском полку. Причем в этот период сведения в охранное отделение он поставлял безвозмездно. Что же побудило его к этому?

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 28.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 280.

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 42.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 279.

¹³ Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное, стр. 23.

¹⁴ Там же с.

Малиновский еще до военной службы четыре раза судился за уголовные преступления, из них трижды за кражу со взломом — в 1894, 1896 и 1899 годах. Эти компрометирующие факты, известные охранке, безусловно, сыграли определенную роль в том, что Малиновский согласился сотрудничать с ней. Но было бы ошибкой думать, что Малиновский явился лишь жертвой жизненных обстоятельств, толкнувших его в руки полиции. Настоящая причина заключалась в присущем ему авантюризме и аморальности, что убедительно проявилось в его последующей деятельности.

После окончания военной службы Малиновский в 1906 г. поступает на петербургский завод Лангензипена. Здесь и начинается его головокружительная карьера. Он быстро входит в доверие к рабочим, участвует в политической агитации, избирается в члены рабочего комитета, короче — проявляет чрезвычайную активность и завоевывает таким образом популярность. Вскоре он становится районным секретарем Союза металлистов, а через некоторое время — секретарем правления Союза металлистов. Малиновский избирается делегатом ряда профсоюзных и других съездов, где обращает на себя внимание радикальностью выступлений. В апреле 1910 г. В. П. Ногин («Макар») сделал ему от имени партии предложение войти в ЦК РСДРП путем кооптации¹⁵. В ноябре 1911 г. кандидатура Малиновского была выдвинута в состав ЦК, который должен был быть переизбран на январской конференции в 1912 г. в Праге¹⁶. В итоге на Пражской конференции Малиновский был избран членом ЦК.

Одновременно с деятельностью в революционных кругах Малиновский, по показаниям Виссарионова, все эти годы продолжал добровольно сотрудничать с охранкой, где числился под кличкой «Эрнест». Это же отмечает в своих показаниях и жена Малиновского, подтвердившая, что в 1906—1908 гг. Малиновский после одного из своих арестов получил предложение сотрудничать в охранном отделении. Но официально, с месячным жалованьем в 100 рублей, Малиновский был зачислен в Московское охранное отделение в 1910 г., после своего переезда в Москву и ареста 13 мая. Во время допроса Малиновский высказал желание лично поговорить с начальником Московского охранного отделения П. П. Заварзиним. Жандармский офицер Иванов, проводивший допрос, устроил ему это свидание, и 23 мая Малиновский вышел из охранного отделения как его штатный агент. Первое донесение было представлено им уже 5 июля 1910 года¹⁷. Наблюдавший за ним в это время в порядке контроля секретный сотрудник Московского охранного отделения сообщал 26 мая 1910 г., что Малиновский ведет активную работу в меньшевистских кругах. Но не меньшую активность Малиновский проявлял и как провокатор, представив охранному отделению до 1912 г. 57 агентурных записок о деятельности московских социал-демократов¹⁸. В то же время в целях маскировки деятельности Малиновского его в течение 1910—1912 гг. трижды подвергали аресту, но каждый раз освобождали без каких-либо последствий¹⁹.

Малиновский оказался настоящей находкой для охранки. Его кандидатура полностью соответствовала положениям «Инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения», выработанной в 1907 г. департаментом полиции. В этой «Инструкции», в частности, предлагалось вербовать секретных агентов из лиц, которые состоят или «состояли членами революционных партий или групп или непосредственно и тесно были связаны с ними». «Инструкция» рекомендовала в целях «наиболее верного и скорейшего» проникновения в центры революционного движения — помогать секретным сотрудникам пробираться в верхи партийных организаций, рекомендовалась даже такая форма помощи, как арест видных партийных работников, чтобы тем самым «подымать сотрудника в более законспирированные центры партии»²⁰. В 1909 г. была разработана «Инструкция охранной агентуры», в 138 пунктах которой детально перечислялись «сведения, необходимые для каждого агента охранной агентуры»²¹. Выпол-

¹⁵ Там же, стр. 22, 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Большевики», стр. X.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Стенографические отчеты». Т. 3, стр. 447—453. «Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения».

²¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), ф. департамента полиции, особый отдел, № 102, ед. хр. 49, л. А, 1909 год.

няя требования «Инструкции», секретный сотрудник «Портной» (Малиновский) в 1910—1911 г. помог охранке разгромить несколько партийных ячеек в Москве и арестовать некоторых партийных работников. Затем по его указаниям была ликвидирована в Москве меньшевистская группа «Возрождение», а прибывшие из-за границы для связи с ней представители центра В. П. Милютин и другие — арестованы. После этого, согласно информации Малиновского, полиция раскрыла попытку создания в Туле социал-демократической ячейки, а Ногин, Мария Смидович и ряд других большевиков были арестованы²².

В конце 1911 г. Малиновский «согласовал» с охранкой свою поездку на Пражскую партийную конференцию и не только получил деньги от охранного отделения на эту поездку, но и прибавку жалованья на 100 руб.²³, а позже и награды. В результате поездки Малиновский представил охранному отделению информацию о работе конференции, ее составе и составе избранного ЦК. Одновременно он представил материалы и о деятельности ППС, Бунда и Польской социал-демократической партии²⁴.

После возвращения с Пражской конференции у Малиновского появился честолюбивый замысел — стать депутатом 4-й Государственной думы. 16 сентября 1912 г. приставленный к нему секретный сотрудник охранки «Сидор» (А. А. Поляков) сообщил, что Малиновский стремится «выставить свою кандидатуру по рабочей курии от губернии, и есть основание полагать, что он легко проведет ее, как имеющий популярность в рабочей среде»²⁵. Через день сам Малиновский в агентурном донесении за подписью «Портной» доводит до сведения охранки, что «его кандидатуру в Государственную думу Московский социал-демократический комитет определенно решил поддерживать». 30 сентября он дополнительно сообщает, что избран выборщиком на губернский избирательный съезд. Через три дня после этого, 3 октября, «Сидор» доносит, что Малиновский получил из-за границы 300 руб. для агитационных целей в связи с выдвижением своей кандидатуры в Государственную думу²⁶. Несколькими позже секретный сотрудник «Пелагея» (А. С. Романов) подтверждает, что Малиновский 24 октября «окончательно намечен» в Государственную думу на предвыборном совещании в деревне Мазинга²⁷.

Московское охранное отделение с самого начала было склонно решительно поддерживать Малиновского на выборах в Думу, но у охранников были некоторые сомнения относительно позиции их высшего начальства. Вопрос о проведении Малиновского в Думу обстоятельно обсуждался и взвешивался в охранке, которая хотела вести только «верную игру», чтобы не осрамиться перед правительством, поскольку о провокаторской деятельности Малиновского, как показывал Виссарионов, «министр внутренних дел знал все»²⁸. Виссарионов, в частности, говорил: «Первые сведения о том, что Малиновский может пройти в Гос. думу, стали поступать, если не ошибаюсь, в июле или августе 1912 года... Мартынов вновь подтвердил то, что у Малиновского очень сильны шансы на прохождение в Госуд. думу. Явился вопрос, насколько возможно и осуществимо это предложение»²⁹.

11 октября 1912 г. Виссарионов представил директору департамента полиции официальный рапорт, где писал о своих сомнениях: «Вследствие личного приказаания имею честь представить Вашему превосходительству положение о выборах в Государственную думу и доложить, что, согласно I п. 10 ст., известное Вам лицо, как отбывшее наказание в 1902 г. за кражу со взломом из обитаемого строения, как за кражу в третий раз, по моему мнению, не может участвовать в выборах. К изложенному считаю долгом присовокупить, что Вы изволили приказать доложить Вам, что надлежит возбудить перед г. министром вопрос о том, следует ли ставить в известность о сущест-

²² Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное, стр. 23; см. также В. И. Ленин и н. Соч. Т. XX, стр. 702.

²³ Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное, стр. 34.

²⁴ Там же, стр. 24—25.

²⁵ «Большевики», стр. VIII—X.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ «Стенографические отчеты». Т. 5. М.-Л. 1926, стр. 222.

²⁹ Там же, стр. 212.

вующем ограничении московского губернатора, или это лицо должно пройти для него совершенно незамеченным»³⁰.

После этого вопрос перешел на рассмотрение Белецкого, который позднее показывал: «Мартынов, начальник Московского охранного отделения, во время выборов в Госуд. думу приехал в Петербург и доложил о возможности прохождения Малиновского в члены Госуд. думы. Доложил он в особом отделе заведующему Еремину и Виссарионову. Они доложили об этом мне... на этот случай даны были указания, чтобы разговоры с Малиновским вел я и Виссарионов»³¹. В дальнейшем Белецкий доложил о создавшейся ситуации министру внутренних дел и получил его одобрение. Поэтому на рапорте Виссарионова Белецкий наложил резолюцию: «Доложено г. министру внутренних дел 12.X. Представить дело избрания его собственному ходу»³².

Но этот вопрос необходимо было согласовать с московским генерал-губернатором Джунковским. В конце концов, как отмечал Белецкий, «с разрешения Джунковского Малиновский был проведен через избирательную комиссию»³³. Из этого следует, что Джунковский был в курсе провокаторской деятельности Малиновского еще до того, как тот стал членом Думы. Этот факт имеет серьезное значение для понимания последующих событий, когда после официального разоблачения Малиновского В. И. Ленин выступил с требованием — «под суд Родзянку и Джунковского за укрывательство провокатора!»³⁴.

После многочисленных согласований в Москву за подписью Белецкого была направлена телеграмма: «Начальнику охранного отделения. Вопрос об участии известного Вам лица в выборах предоставьте его естественному ходу...»³⁵. На это последовала ответная шифрованная телеграмма: «Дело предоставлено его естественному ходу. Успех обеспечен. Подполковник Мартынов»³⁶.

Однако на пути Малиновского в Думу было одно формальное препятствие: ему не хватало двух недель в стаже работы до требуемого законом шестимесячного непрерывного срока, необходимого для баллотирования в Думу. Кроме того, в этой ситуации могли сыграть роль и его прошлые судимости. Дело осложнялось еще и тем, что мастер завода Фермана, где тогда работал Малиновский, М. Кривов настаивал на увольнении Малиновского, а это вообще могло лишить его всяких шансов на избрание в Думу. В этой ситуации Малиновскому и оказалась полезной охранка. По его просьбе 25 апреля 1912 г. Кривов был арестован «для обеспечения успеха Малиновского», как гласила шифрованная телеграмма охранного отделения местным полицейским властям. Одновременно была сфабрикована и справка о несудимости Малиновского. Оставалось сделать немного. Малиновский подкупил конторщика предприятия и получил у него увольнительное удостоверение якобы для поездки на родину за получением справки о несудимости. Этим он избегал увольнения и продлевал свой стаж работы на срок, требуемый законом. Таким образом, использовав донос, провокацию, подлог и подкуп, Малиновский стал членом IV Государственной думы. Сразу же после избрания в Думу ему было положено от охранки жалованье 500 руб., а несколько позже — 700 руб. в месяц. Если учесть, что обычный оклад губернатора составлял 500 рублей в месяц, то размер жалованья, установленный охранкой для Малиновского, выглядел очень солидно. К основному жалованью часто добавлялись «особые суммы», которые Малиновский получал от охранки за специальные операции, вроде поездки за границу, в другие города страны и т. д.

Во время своего «думского периода» Малиновский был подчинен непосредственно Белецкому, но по «старой памяти» продолжал «оказывать услуги» и Московскому охранному отделению. Но эти услуги были в тот период с точки зрения охранки довольно «мелкими». Малиновский выдавал отдельных революционеров, указывал адреса складов литературы, типографий, раскрывал партийные клички. Во всех этих случаях Малиновский получал по 25—50 руб. с каждого «дела». Эти факты свидетель-

³⁰ «Большевики», стр. XI—XII.

³¹ «Стенографические отчеты». Т. 3, стр. 280.

³² «Большевики», стр. XII.

³³ «Стенографические отчеты». Т. 3, стр. 280.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 84.

³⁵ «Большевики», стр. XII.

³⁶ Там же.

ствуют о безграничной гнусности Малиновского, который при огромном жалованье, «особых суммах» шел и на подобные «дела».

Пробравшись в Государственную думу, Малиновский широко развернул провокаторскую деятельность. Кончилось «кустарничество», беготня по отдельным поручениям, работа «по мелочам». Малиновский организовал теперь свое предательство в широких масштабах. Он давал систематическую информацию о работе партийной фракции Думы, сообщал подробные данные о заграничных партийных центрах, для чего по заданию охраны и за ее счет выезжал за границу получить «руководящие инструкции для деятельности в Государственной думе». Одновременно, маскируясь и завоевывав авторитет, Малиновский помещал в газетах эффектные революционные статьи³⁷. В результате своих публичных выступлений, а также выступлений в печати он получал массу теплых писем из всех уголков России. Некоторые из них поражают своими революционными настроениями, искренностью человеческих чувств. Все подобные письма Малиновский аккуратно передавал охране. Более важные сведения он доставлял или Виссарионову, или Белецкому. В связи с этим Белецкий отмечал, что его встречи с Малиновским проходили так, чтобы не скомпрометировать последнего: «...с Малиновским мы виделись в разных местах, чтобы не обращать внимания, в отдельных кабинетах ресторана и т. д.»³⁸. В этот период Малиновский выдал охране Я. М. Свердлова, арестованного на квартире члена IV Государственной думы Г. И. Петровского (10 декабря 1913 г.). При выяснении в Верховном трибунале этих фактов Малиновский настойчиво утверждал, что он ничего не сообщал охране о В. И. Ленине, заявляя, «что он никогда не нашел бы в себе сил донести на Ленина». Но это его утверждение опровергается показаниями Белецкого, заявившего, что в числе материалов, представлявшихся Малиновским, были сведения и о Ленине. Такие же показания дал и Виссарионов: Малиновский «...приносил письма Ленина, Крупской...»³⁹.

В 1913 г. в руководстве партии стали возникать серьезные подозрения, что вблизи думской «шестерки» имеется провокатор. Это отмечал и сам Малиновский в отчете Департаменту полиции о своей поездке летом 1913 г. за границу на совещание. В отчете он писал «о возникших подозрениях, что вблизи думской «шестерки» есть лицо, связанное с розыскными органами Империи»⁴⁰. Подозрения вызывались неоднократными провалами «русской коллегии» ЦК и слишком большой осведомленностью полиции о деятельности большевиков. Так, выяснилось, что охранка знала о приезде в Петербург жены А. А. Трояновского «Гадины» и даже о ее предстоящей поездке в Киев⁴¹. Между тем это могло быть известно лишь самому ограниченному кругу руководящих партийных работников. Этот факт свидетельствовал о том, что барьер конспирации где-то нарушен и что необходимо максимально повысить бдительность. Однако определенных данных для подозрений кого-либо в провокации не было. Поэтому Поронинское совещание 1913 г. предложило представителям «шестерки» тщательно соблюдать правила конспирации. Вместе с тем были усилены внимание и контроль во всех звеньях партийной работы⁴². Но Малиновский был все еще вне подозрений; он продолжал получать от руководства партии ответственные поручения.

Выполняя для охраны важнейшую осведомительную работу, сам Малиновский в то же время находился под наблюдением провокатора А. И. Лобова по кличке «Мэк», дававшего подробные донесения о его деятельности⁴³. Но «работа» Малиновского в тот период казалась охране настолько безупречной, что наблюдения Лобова специально не фиксировались и носили скорее характер устной информации. В последнее

³⁷ См., например, статью «На фабрике «Проводник» в Риге» в газете «Путь правды» за март 1914 г. (ЦГАОР СССР, ф. департамента полиции, особый отдел, ед. пр. 307, пр. 1, л. 82).

³⁸ «Стенографические отчеты». Т. 3, стр. 281.

³⁹ «Стенографические отчеты». Т. 5, стр. 216.

⁴⁰ «Большевики», стр. 130—131.

⁴¹ Там же. А. А. Трояновский — член большевистской партии с 1904 года. С 1917 по 1921 г. находился в рядах меньшевиков. В 1923 г. вступил в РКП(б). Бывший полпред в США (см. о нем: В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 794); его жена — Е. Ф. Розмирович, старая большевичка, в 1913 г. была секретарем большевистской части социал-демократической фракции в Государственной думе (см. В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 788—789).

⁴² «Большевики», стр. 130—131.

⁴³ Там же, стр. 26—27.

перед разоблачением время Малиновский действовал особенно смело и нагло. Используя свой уголовный опыт, он даже выкрал архив партийной фракции в Думе, представил его на просмотр Белецкому, и охранка за одну ночь перепечатала из него все, чем она интересовалась. После этого Малиновский возвратил архив на место.

Весьма важную роль в провокаторской работе Малиновского играло в это время представление Белецкому и Виссарионову на предварительный просмотр, а иногда и на редактирование текстов речей, намечаемых для выступления с думской трибуны, а также деклараций и заявлений социал-демократической фракции. В результате таких «редакторских поправок» тексты революционных документов, зачитываемые с думской трибуны, смягчались и существенно отличались от их первоначальных вариантов. Это ослабляло работу по использованию Думы в качестве революционной трибуны. Но работа в Думе становилась для провокатора все труднее и труднее. Об этом свидетельствует трюк, который он предпринял в 1914 г. при чтении декларации оппозиции. Декларация была выработана совместно всеми оппозиционными партиями, представленными в Думе. Таким образом, это был документ, не допускавший каких-либо изменений. Но во время предварительного «просмотра» Виссарионов потребовал смягчения декларации и сам лично вычеркнул из нее пятнадцать наиболее резких строк, ультимативно предложив Малиновскому зачитать документ в «отредактированном» виде. Малиновский оказался в весьма щекотливом положении: с одной стороны, он не мог не выполнить приказ Виссарионова, с другой — рисковал перед лицом объединенной оппозиции фактически разоблачить себя. И вот тут он придумал ловкий ход. Малиновский спокойно вышел на трибуну и с большим подъемом, эффектно подчеркивая наиболее рискованные выражения, начал читать оппозиционную декларацию. Председательствующий Родзянко сразу же пришел в нервное состояние и потребовал, чтобы Малиновский прекратил чтение «злокозненного» документа. Малиновский продолжал читать. Родзянко пригрозил лишением слова. Малиновский продолжал чтение без малейшего перерыва или паузы, игнорируя председателя Думы и тем вызывая его на более резкие действия. Родзянко, прерывая оратора, опять стал угрожать ему лишением слова. К трибуне направились со своих мест пристав Государственной думы барон Ферзен и его помощники, в зале заседаний поднялись шум и крики. Малиновский зашелся и пропустил, якобы впопыхах, роковые пятнадцать строчек, и в тот момент, когда окончательно выведенный из себя председатель Думы крикнул: «Я лишаю Вас слова», — Малиновский с достоинством обернулся к нему и, с презрением бросив: «Лишайте», — ушел с трибуны⁴⁴.

Но подрывная работа Малиновского в Думе внезапно и независимо от него оборвалась. С. П. Белецкий был освобожден от своего поста, и вместо него был назначен генерал В. Ф. Джунковский. Он первым осознал потенциальную опасность, которую представлял Малиновский для всех, кого он обслуживал. Джунковский боялся, что в конце концов провокаторская деятельность Малиновского в Думе станет известной, и это кончится огромным политическим скандалом как внутри страны, так и за границей. Надо было, по словам Джунковского, «ликвидировать этот срам», и он пошел на весьма решительный шаг. Он потребовал от Малиновского ухода из Думы, пообещав ему в качестве компенсации за это 6 тыс. рублей⁴⁵. 22 апреля 1914 г. Джунковский сказал Родзянко, что предлагавшаяся к оглашению декларация трудовиков известна охранке через ее агента в Думе Малиновского, и взял с Родзянко «честное слово» о том, что тот не разгласит сообщение. Это обстоятельство ускорило ход событий. Малиновский должен был срочно найти выход из создавшейся обстановки.

В этот критический момент Малиновский остался тем, кем он был большую часть своей жизни, — провокатором. Его первый шаг вполне соответствовал его преступной игре. Он решил заключительный аккорд своей деятельности в Думе сопроводить бойней рабочих на улицах. Воспользовавшись удобным предлогом — исключением ряда членов Думы на 15 заседаний⁴⁶, он предложил своей фракции покинуть Думу и выйти

⁴⁴ Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное, стр. 37.

⁴⁵ «Стенографические отчеты». Т. 5, стр. 85.

⁴⁶ В связи с обструкцией большевиков, меньшевиков и трудовиков, устроенной 22 апреля (5 мая) 1914 г. во время речи председателя совета министров Горемыкина. Ответом на это исключение оппозиционных депутатов явились забастовки протеста, проведенные рабочими Петербурга и Москвы.

для продолжения борьбы на улице, призвав рабочих к повсеместному выступлению против правительства. При этом Малиновский громко возмущался создавшимся положением и настаивал на том, что «нужны другие приемы борьбы», что «возвращение в Думу было бы позорным, необходимы более революционные выступления в виде уличных манифестаций рабочих, которых депутаты должны взять под защиту»⁴⁷.

Это была дерзкая провокация, неисчислимые последствия которой могли бы, по расчету Малиновского, скрыть его предательство. Но несвоевременность подобного выступления в обстановке организуемого правительством шовинистического подъема на пороге войны и неизбежные тяжелые последствия этого предложения возбудили к нему недоверие остальных членов фракции, и оно было отклонено. Тогда Малиновский на ходу меняет свою тактику. Он начинает играть роль уставшего, измученного человека, который уже не в состоянии нести такую тяжесть, как пост председателя социал-демократической думской фракции, он старается убедить в этом окружающих его лиц, психологически подготовить свое предстоящее дезертирство из Думы. Затем без оповещения своей фракции, не предупредив никого и никому ничего не говоря, он направляется к Родзянко, вручает ему свое заявление об уходе из Думы и в мае 1914 г. исчезает. Исчезает буквально для всех, кто его знал, в глазах кого он представлял партию и боролся за революцию. В те дни о его предательстве партии еще ничего не было известно. Поэтому Малиновский был исключен из ее рядов по обвинению в том, что совершил дезертирство. В дальнейшем на судебном процессе о его дезертирстве и бегстве за границу было сказано, что он «внес дезорганизацию в ряды революционеров, посеял смущение в рядах широких рабочих масс и дал возможность врагам революции использовать его предательство для клеветы на все рабочее движение и его вождей»⁴⁸.

Но в 1914 г. точных данных о предательстве Малиновского не было, они появились лишь в июне 1917 г., когда было опубликовано заключение Чрезвычайной Следственной Комиссии, созданной Временным правительством для расследования преступлений царского режима.

Однако опасные для революционного движения слухи о провокации Малиновского, инспирируемые меньшевиками, появились сразу же после его бегства из Думы. Но все же это были только слухи. Родзянко оказался верным своему «слову» и никому не сказал о том, что он в апреле 1914 г. узнал от Джунковского, став, таким образом, «укрывателем провокатора Малиновского»⁴⁹. В. И. Ленин в связи с этим в июле 1917 г. писал: «В № 148 «Русской Воли» помещено интервью с Родзянкой, который считает «несправедливыми» обвинения его («Правдой» и «Рабочей газетой») в укрывательстве Малиновского. Оказывается, Джунковский еще 22 апреля 1914 г. сказал Родзянке, что Малиновский провокатор, но взял с Родзянки «честное слово» (!!!) никому об этом не говорить. Невероятно, но так. Родзянко дает «честное слово» охраннику и не сообщает думцам о провокаторе. И наша партия и все общество, среди коих провокатор Малиновский продолжает вращаться, остаются в заблуждении... ибо Родзянко дал «честное слово» охраннику не выдавать провокатора. И это можно терпеть? И Родзянку можно считать не преступником?»⁵⁰. За четыре дня до этого в статье «Под суд Родзянку и Джунковского за укрывательство провокатора!» В. И. Ленин подчеркивал: «И Джунковский и Родзянко не позже 7 мая 1914 г. узнали, что Малиновский провокатор. Ни один из этих деятелей не предупредил представленные в Думе политические партии и в первую очередь большевиков о провокаторе в их среде!! Разве это не преступление?»⁵¹.

Таким образом, благодаря Родзянко и Джунковскому преступления Малиновского оказались не раскрытыми до 1917 г., а он сам, бежав из Думы, уехал за границу⁵². Вскоре он вернулся в Россию, вступил в армию, во время войны попал в плен. Обстоятельства, приведшие к его плену, неизвестны.

⁴⁷ «Большевики», стр. XIV.

⁴⁸ Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное, стр. 25.

⁴⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 128.

⁵⁰ Там же, стр. 97.

⁵¹ Там же, стр. 84.

⁵² Из показаний Джунковского следует, что по его личному распоряжению Малиновский был доведен до границы; сделано это было, видимо, для того, чтобы окончательно удостовериться в его исчезновении. «Стенографические отчеты». Т. 5, стр. 83.

Будучи в лагере для военнопленных, Малиновский вошел в доверие к местным социал-демократическим кругам и даже начал переписку с большевистским центром, стремясь вновь играть активную роль в революционной среде. Из писем некоторых русских военнопленных, адресованных руководителям большевистской партии, известно, что Малиновский стал проводить в лагерях партийные занятия, читал лекции, разъяснял Эрфуртскую программу, причем слушатели присылали восторженные отзывы о работе Малиновского⁵³. Было ли все это в действительности так, или многое было инспирировано самим Малиновским — установить трудно. Но некоторые факты известны точно. Так, в 1916 г. русский военнопленный А. Синицын писал из немецкого лагеря о чтении Малиновским курса лекций по политической экономии. Эти лекции посещали 150 постоянных слушателей, а фактически бывало до 300 человек⁵⁴.

Начавшаяся в России Февральская революция обрывает новую игру провокатора. Русские революционеры возвращаются из эмиграции на Родину. Штаб пролетарской борьбы переносится в Россию, и Малиновский остается за бортом событий. Потом совершается Великая Октябрьская социалистическая революция. И именно в это время происходит на первый взгляд невероятный факт. В 1918 г. Малиновский появляется в Петрограде и добровольно отдает себя в руки советского правосудия. В чем дело? Запоздавшее раскаяние? Муки совести?

В своей речи на процессе государственный обвинитель Н. В. Крыленко подчеркнул, что Малиновский долго рассказывал на следствии о том, как он терзался своим предательством и как еще за месяц до фактического ухода из Думы настойчиво просил Белецкого «опустить его из Думы» и что якобы Белецкий такое обещание ему дал в апреле 1914 года. Но Белецкий еще в январе 1914 г. ушел в отставку с поста директора Департамента полиции и поэтому никаких обещаний в апреле давать не мог. Однако если не выдуманное «терзание», то что же все-таки толкнуло Малиновского на явку с повинной? Следствие достаточно ясно и точно вскрыло побудительные мотивы этого шага. По заключению государственного обвинения, это был главный вопрос, подлежавший выяснению на процессе, так как свои многочисленные преступления Малиновский и сам в основном не отрицал. Именно это обстоятельство, а не квалификация действий провокатора требовало тщательного выяснения. «Ведь не перед судом же Революционного трибунала ВЦИК доказывать, что вообще провокаторство есть преступление, что поэтому подсудимый заслуживает наказания,— говорил Н. В. Крыленко.— Нет, основным был вопрос: «Зачем, зная свои преступления, зная оценку их,— ту единственно возможную оценку, которую они встретят в революционной России, переживающей весь ужас гражданской войны,— зачем, в силу каких психологических оснований, на что рассчитывая, добровольно явился сюда и сам отдался в руки революционных властей провокатор Роман Малиновский?»⁵⁵.

Как же на этот вопрос отвечал сам Малиновский? Он говорил: «Верьте моей искренности. Я еще мог бы жить, если бы попал опять в такую среду, в какой был, например, в плену, где меня не знал ни один человек, или если бы по мановению руки попал в Канаду или Африку... Но как я могу жить среди вас после того, что сделал,— я не представляю себе... Приговор ясен, и я вполне его заслужил...»⁵⁶.

Правдивы ли его слова? Для того, чтобы это понять, говорил в своей речи Н. В. Крыленко, необходимо исходить не из факта эффектной добровольной явки, раскаяния на суде, а из анализа деятельности, поведения и воззрений Малиновского. Они и должны раскрыть правду, более глубокую и действительную, чем добровольная явка и самобичевание. Малиновский действительно имел возможность уехать куда угодно. Но это означало для него жить в забвении, бесславии и, что самое главное, без достаточных материальных средств. Кроме того, в любое место, куда бы он ни поехал, могло прийти известие о его прошлых преступлениях. Следовательно, к забвению и нищете прибавилось бы самое страшное — всеобщее презрение и ненависть. Мог ли Малиновский согласиться с таким исходом?

⁵³ «Большевики», стр. XV.

⁵⁴ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 29 584, л. 2.

⁵⁵ Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное, стр. 26.

⁵⁶ Там же, стр. 27.

И вот после целого ряда крушений сделан последний рискованный шаг. Прожженного авантюриста подкрепляла при этом надежда на то, что революционеры не злопамятны, что достигнутая грандиозная победа изменит старые оценки, принесет прощение. Его расчет, расчет авантюриста, Н. В. Крыленко определил словами: «А вдруг выйдет? А вдруг удастся последний кунштук?» И в результате успеха — помилование. А там забвение грехов и возможность новых авантур и преступлений.

Именно поэтому Малиновский, признавая весь комплекс своих больших преступлений, упорно отрицал «мелкие дела», которые могли разоблачить истинную его сущность: кражи, «разовые» услуги полиции за мизерные суммы и т. д. Малиновский отрицал и то, что он получал от охраны награды за свою работу, так как награды охранка выдавала только за особо усердную службу. Но отчеты Беленского и собственноручные расписки Малиновского обнаруживают и здесь его очередную ложь. Признание этих фактов, говорил Н. В. Крыленко, «сразу сведет его с пьедестала, и из Рокамболя⁵⁷ нашего века он опять обратится в мелкого жулика, жадного на деньги, хотя бы это было только 25 рублей». Вот что в 1918 г. привело Малиновского обратно в Россию. Не сознание своей вины и желание искупить ее хотя бы смертью, а продуманный и взвешенный расчет авантюриста и преступника. Но этот расчет не оправдался. Преступник не смог уйти от сурового возмездия. Верховный трибунал учел, что на скамье подсудимых был не рядовой преступник, а провокатор, проникший на самые ответственные революционные посты — депутата и лидера социал-демократической фракции Государственной думы, члена ЦК рабочей партии. Тюрьма, каторга, смерть многих и многих революционных борцов — вот что явилось результатом его провокаций. Подводя итог преступлениям Малиновского, Н. В. Крыленко говорил: «Человек, который нанес самые тяжелые удары революции, а потом пришел сюда, чтобы здесь продемонстрировать свое раскаяние, — я думаю, он выйдет отсюда только с одним приговором: этот приговор — расстрел»⁵⁸.

Именно таким был приговор Верховного трибунала. Он был приведен в исполнение в ту же ночь.

Конкретный пример провокаторской деятельности Малиновского служит для коммунистических и рабочих партий наглядным уроком того, как проникает провокация и измена в ряды революционного движения, учит революционной бдительности. Это особенно важно в тех случаях, когда силы революционного авангарда еще слабы, когда нет достаточных материальных средств для организации рабочей печати и партийного аппарата и когда охранка имеет возможность организовывать провокации в самых широких масштабах. В этих условиях особенно тяжела борьба и особенно необходимо учитывать опыт истории.

Б. К. Эренфельд

⁵⁷ Рокамболь — имя главного персонажа многотомной серии романов Понсона дю Террайля (1829—1871). Нарциссительный тип авантюриста.

⁵⁸ Н. В. Крыленко. Судебные речи. Избранное, стр. 38.